

Карл Густав Юнг

Структура души

Психика как отражение мира и человека — это предмет такой безграничной сложности, что ее можно наблюдать и изучать с самых разных сторон. Душа ставит перед нами ту же проблему, что и мир: поскольку систематическое изучение мира лежит за пределами наших возможностей, мы вынуждены довольствоваться практическими методами и выбирать те его аспекты, которые нас особенно интересуют. Каждый выбирает себе приглянувшийся сегмент мира и создает свой частный мирок, часто наглухо отгороженный от остальных, так что через какое-то время его создателю начинает казаться, будто он постиг смысл и структуру целого. Но конечное не может объять бесконечного. Мир психических явлений составляет лишь часть мира как целого, и именно по этой причине кажется, что его легче понять, чем универсум. Однако, при этом забывается, что психика есть единственный феномен, который дан нам непосредственно и почему является *sine qua non*¹ всего опыта.

Единственное, что переживается нами непосредственно, — это содержания сознания. Говоря так, я не пытаюсь свести "мир" к нашему "представлению" ("idea") о нем. Но я хочу подчеркнуть этим то, что с другой позиции можно было бы выразить, сказав: жизнь есть функция атомов углерода. Эта аналогия раскрывает скромные возможности взгляда специалиста, в рамках которых я вынужден оставаться, пытаюсь предложить любое объяснение мира или даже части его.

Разумеется, моя точка зрения является психологической; более того, она совпадает с позицией практикующего психолога, задача которого в том, чтобы как можно быстрее разобраться в хаотической путанице сложных душевных состояний. Такой взгляд по необходимости должен сильно отличаться от точки зрения академического психолога, имеющего возможность в тиши своей лаборатории не спеша изучать изолированные психические процессы. Это различие примерно такого же плана, как между хирургом и гистологом. Кроме того, я не похож и на философа, который считает своим долгом сказать о том, каковы вещи "в себе", и являются ли они абсолютными или нет. Мой предмет лежит целиком в границах опыта.

Моя главная потребность — понять сложные состояния и смочь рассказать о них. Я должен уметь дифференцировать различные группы психических событий. Поскольку мне необходимо достичь взаимопонимания с моим пациентом, проводимое разграничение не должно быть произвольным. Поэтому мне приходится опираться на простые схемы, которые, с одной стороны, удовлетворительно отражают эмпирические факты, а с другой — связывают их с общеизвестными вещами и потому встречают одобрение.

Итак, если мы собираемся классифицировать содержания сознания, то начнем, согласно традиции, с утверждения: *Nihil est in intellectu, quod non antea fuerit in sensu*².

Кажется, что сознание вливается в нас извне в форме чувственных перцепций (*sense-perceptions*)³. Мы видим, слышим, чувствуем вкус и запах мира, и таким образом сознаем

---

¹ Непременным условием (лат.). — Прим. пер.

² Нет ничего в сознании, чего бы не было раньше в ощущении (лат.).

³ В отечественной психологии это соответствует ощущениям и неосмысленным восприятиям. — Прим. пер

его. Эти перцепции сообщают нам о том, что нечто существует. Но они не говорят нам, что существует. О последнем мы узнаем не от перцепции, но благодаря процессу апперцепции, который имеет чрезвычайно сложную структуру. Это не значит, что чувственная перцепция совсем уж проста, однако ее сложность скорее физиологическая, нежели психическая. Сложность же апперцепции, напротив, именно психическая. Мы можем обнаружить в апперцепции взаимодействие целого ряда психических процессов. Допустим, мы слышим звук, природа которого кажется нам незнакомой. Спустя какое-то время нам становится ясно, что этот своеобразный звук, должно быть, исходит от пузырьков воздуха в трубах центрального отопления: мы узнали звук. Это узнавание имеет своим источником процесс, называемый нами мышлением. Именно мышление говорит нам, чем нечто является.

Я только что назвал звук "своеобразным". В тех случаях, когда я характеризую нечто как "своеобразное", то ссылаюсь на особый чувственный тон, которым обладает это нечто. Чувственный тон подразумевает оценивание (evaluation).

Процесс узнавания можно представить себе, по существу, как установление сходства и различия с помощью памяти. Если я, к примеру, вижу огонь, световой стимул несет мне сообщение: "огонь". Так как в моей памяти всегда наготове бесчисленное множество мнемических образов огня, они вступают во взаимодействие с только что воспринятым мною образом огня, и в результате процесса сличения (то есть установления сходства и различия) его с ними наступает узнавание. Иначе говоря, я окончательно определяю специфичность этого индивидуального образа в моем сознании. В обыденной речи этот процесс называют мышлением.

Процесс оценивания осуществляется иначе. Огонь, который я вижу, вызывает эмоциональные реакции приятного или неприятного свойства, тем самым побуждая образы памяти приносить с собой сопутствующие им эмоциональные феномены, известные как чувственный тон. Таким образом, объект перцепции кажется нам приятным, желанным и красивым или, наоборот, неприятным, вызывающим отвращение, безобразным и т. д. В обыденной речи этот процесс называют чувством (feeling).

Процесс интуиции не является ни чувственной перцепцией, ни мышлением, ни даже чувством, хотя наш язык демонстрирует прискорбно малую различительную способность в этом отношении. Один человек воскликнет: "О, я вижу, как огонь уже охватил весь дом!" Другой скажет: "Ясно как дважды два: вспыхни здесь огонь, — и беды не миновать". А третий заявит: "У меня такое чувство, что из-за этого огня может случиться несчастье". В соответствии с темпераментом каждого, один говорит о своей интуиции как об отчетливом видении (seeing), то есть он создает перцептивный образ пожара. Другой называет интуицию мышлением: "Стоит только поразмыслить, и сразу станет ясно, каковы будут последствия". Третий, под влиянием эмоций, обозначает свою интуицию как процесс чувства. Но интуиция, как я ее понимаю, является одной из основных функций души, именно, восприятием заложенных в ситуации возможностей. Вероятно, все же из-за недостаточного развития языка "чувство", "ощущение" и "интуиция" до сих пор смешиваются в немецком, тогда как *sentiment* (чувство) и *sensation* (ощущение) во французском и *feeling* (чувство) и *sensation* (ощущение) в английском абсолютно разграничены, в противоположность *sentiment* и *feeling*, которые иногда используются в качестве запасных слов для обозначения "интуиции". Однако, в последнее время слово "интуиция" стало общеупотребительным в английской речи.

Кроме того, в качестве содержаний сознания можно также разграничить волевые

(volitional) и инстинктуальные (instinctual) процессы. Первые определяются как управляемые, основанные на апперцепции импульсы, которые находятся в распоряжении так называемой свободной воли. Последние представляют собой импульсы, которые берут начало в бессознательном или непосредственно в теле и характеризуются отсутствием свободы и компульсивностью.

Апперцептивные процессы могут быть либо управляемыми (и направленными), либо неуправляемыми (и ненаправленными). В первом случае мы говорим о "внимании", а во втором — о "фантазии" или "грезах". Управляемые процессы — рациональны, неуправляемые — иррациональны. К этим только что упомянутым процессам мы должны добавить — в качестве седьмой категории содержаний сознания — сновидения. Сновидения обладают некоторым сходством с сознательными фантазиями, поскольку они тоже носят неуправляемый, иррациональный характер. Но они и отличаются от них, поскольку причина, течение и цель сновидения поначалу совершенно скрыты от нас. И все же я жалую им звание категории содержаний сознания, потому что они являются наиболее важными и очевидными результатами бессознательных психических процессов, навязываемых сознанию. Вероятно, эти семь категорий дают несколько поверхностный обзор содержаний сознания, но для наших целей достаточно и их.

Как известно, существуют определенные воззрения, согласно которым все психическое ограничивается сознанием, ибо оно, по существу, тождественно психике. Я не считаю этот аргумент достаточным. Раз мы допускаем, что нечто существует за пределами нашей чувственной перцепции, то вправе говорить и о психических элементах, узнать о существовании которых мы можем только косвенно. Любому, кто знаком с психологией гипнотизма и сомнабулизма, хорошо известно, что хотя искусственно или патологически ограниченное сознание в данных случаях не содержит определенных представлений, индивидуум, тем не менее, ведет себя так, как если бы они имелись в его сознании. Например, одна пациентка с истерической глухотой любила напевать. Однажды врач, не привлекая внимания больной, сел за пианино и стал ей аккомпанировать со следующей строки в другой тональности: пациентка продолжала петь, но... уже в новой тональности. Другой пациент всякий раз испытывал "истеро-эпилептические" конвульсии при виде открытого пламени. У него было заметно ограничено поле зрения, — иначе говоря, он страдал периферической слепотой (это еще называют "цилиндрическим" полем зрения). И все же, когда горящую свечу держали в слепой зоне, приступ у этого больного наступал с той же регулярностью, как и в тех случаях, когда он видел пламя. В симптоматологии таких состояний имеется бесчисленное множество подобного рода случаев, когда ничего не остается, как безоговорочно признать, что эти люди воспринимают, думают, чувствуют, запоминают, решают и действуют бессознательно, или, в общем, делают бессознательно то, что другие делают под контролем сознания. Эти процессы происходят независимо от того, отмечает их сознание или нет.

В эти бессознательные психические процессы включается также довольно значительная работа композиции, совершаемая в сновидениях. Хотя сон является состоянием, в котором сознание весьма ограничено, душа в нем отнюдь не перестает существовать и действовать. Сознание просто отошло от души и, лишившись объектов, могущих привлечь его внимание, впало, так сказать, в состояние относительной бессознательности. Но психическая жизнь во сне, бесспорно, продолжается, равно как в бодрствующем состоянии не прекращается бессознательная психическая активность. Доказательство тому можно найти без труда; фактически, именно эту специфическую, область опыта Фрейд описал в своей "Психопатологии обыденной жизни". Он показывает, что наши сознательные намерения и действия часто срываются бессознательными процессами, само существование которых оказывается для нас всегда полной

неожиданностью. Мы допускаем оговорки и описки, бессознательно делаем такие вещи, которые выдают наши самые оберегаемые секреты, иногда неизвестные даже нам самим. "Lingua lapsa verum dicit"⁴ — гласит старая пословица, Эти феномены можно также продемонстрировать в эксперименте, используя ассоциативные тесты, весьма полезные для выяснения того, о чем люди не могут или не хотят говорить.

Однако классические примеры бессознательной психической активности легче всего отыскать в патологических состояниях. Почти вся симптоматология истерии, неврозов навязчивости, фобий и, в очень значительной степени, шизофрении — самой распространенной душевной болезни — имеет свои корни в бессознательной психической активности. Таким образом, мы имеем все основания говорить о бессознательной психике. Бессознательная психика недоступна прямому наблюдению — иначе она не была бы бессознательной, — но позволяет вывести ее существование логическим путем. Правда, наши логические выводы всегда ограничены областью "как если бы".

В таком случае, бессознательное составляет часть души. Можем ли мы теперь, по аналогии с различными содержаниями сознания, говорить также и о содержаниях бессознательного? Ведь это значило бы постулировать еще одно сознание, так сказать, в бессознательном. Я не буду здесь вдаваться в этот тонкий вопрос, поскольку уже обсуждал его в другой связи, а ограничусь лишь выяснением того, способны ли мы что-то дифференцировать в бессознательном или нет. На этот вопрос можно ответить только эмпирически, то есть встречным вопросом: а есть ли какие-то правдоподобные основания для такой дифференциации?

По-моему, нет никаких сомнений в том, что все виды активности, обычно имеющие место в сознании, могут также осуществляться и в бессознательном. Существует множество примеров, когда интеллектуальная проблема, оставшаяся нерешенной в бодрствующем состоянии, обретала решение во сне. Так, я знаю одного бухгалтера-ревизора, который в течение многих дней тщетно пытался распутать злонамеренное банкротство. Однажды он просидел за этим занятием до полуночи и, не добившись успеха, отправился спать. В три часа утра жена услышала, как он встал с постели и пошел в свой кабинет. Она последовала за ним и увидела, как он что-то усердно пишет, сидя за своим рабочим столом. Примерно через четверть часа он вернулся в спальню. Утром он ничего не помнил и снова принялся за работу, как вдруг обнаружил целый ряд сделанных его рукой записей, которые сразу расставили все по местам в этом запутанном деле.

В своей практической работе я имею дело со сновидениями уже более двадцати лет. Много раз я был свидетелем того, как не мыслимые сознательно мысли и не переживаемые сознательно чувства днем позже появлялись в сновидениях и, таким образом, окольным путем достигали сознания. Сновидение как таковое, несомненно, является содержанием сознания, иначе оно не могло бы быть объектом непосредственного опыта. Но коль скоро сновидение делает известным материал, который прежде был бессознательным, мы вынуждены допустить, что эти содержания уже имели какую-то форму психического существования в бессознательном состоянии, а в сновидении лишь показались перед "остатками" сознания. Сновидение относится к нормальным содержаниям души и может рассматриваться в качестве равнодействующей бессознательных процессов, вторгающейся в сознание.

Итак, если на основании этих знаний мы придем к допущению, что все категории

---

⁴ Оговорки выдают правду (дат.). — Прим. пер.

сознательных содержаний могут также, при случае, быть бессознательными и, в качестве таковых, могут воздействовать на сознательный ум (mind), то окажемся перед довольно неожиданным вопросом, а именно: имеет ли и бессознательное свои сновидения? Другими словами, существует ли равнодействующая еще более глубоких и — если это возможно — еще более бессознательных процессов, которая проникает в эту объятую мраком область души? Мне пришлось бы прекратить обсуждение этого парадоксального вопроса как слишком уж рискованного, если бы на самом деле не было оснований, которые переводят такую гипотезу в область возможного.

Прежде всего нам нужно прикинуть, какого рода факты требуются для доказательства того, что бессознательное тоже имеет, сновидения. Если мы хотим доказать, что сновидения выступают содержаниями ми сознания, то нам надо просто показать, что есть некие содержания, которые по своему характеру и значению (meaning) чужды ему и не сопоставимы с другими его содержаниями, допускающими разумное объяснение и понимание. Если же мы хотим показать, что и у бессознательного есть сновидения, то должны поступить с его содержаниями сходным образом. Пожалуй, будет проще всего, если я продемонстрирую это на примере из практики.

Речь пойдет об истории болезни двадцатисемилетнего офицера. Он страдал от жестоких приступов боли в области сердца и от нарушающего дыхание ощущения, как если бы у него застрял ком в горле. Кроме того, он жаловался на колющие боли в левой пятке. Никаких органических нарушений у него обнаружено не было. Приступы продолжались уже около двух месяцев, и пациент, поскольку иногда он не мог даже ходить, был уволен с военной службы. Различные курсы лечения не дали никакого результата. Тщательное изучение предыстории его болезни также не дало ключа к разгадке; впрочем, и у самого пациента не было ни малейшего представления о возможной причине болезни. Он производил впечатление человека, обладающего веселым, пожалуй, даже легкомысленным характером, возможно, с чертами "ухарства", типа: "Где вам с нами тягаться". Поскольку анамнез ничего не показал, то я попросил его рассказать о своих сновидениях. И здесь сразу же выявилась причина его болезни. Как раз перед возникновением у него невроза девушка, в которую пациент был влюблен, бросила его и увлеклась другим мужчиной. В разговоре со мной он представил всю эту историю как не относящуюся к делу: "Глупая девчонка, — если она не хочет, мне ничего не стоит найти другую. Такого мужчину, как я, это не может огорчить". Подобным способом он лечил свои несбывшиеся надежды и свое настоящее горе. Теперь же его аффекты вышли наружу. Боли в сердце у него скоро пропали, а после того, как он несколько раз выплакался, исчез и комок в горле. "Боль в сердце" ("Heartache") — поэтическое выражение — здесь стала актуальным фактом, сердечными болями, потому что гордость, по-видимому, не позволяла ему страдать от боли в душе. "Ком в горле", так называемый *globus hystericus*, образуется, как известно, от проглоченных слез. Сознание пациента просто-напросто ушло от слишком мучительных для него содержаний, и эти предоставленные самим себе содержания смогли достичь сознания только окольным путем, в качестве симптомов. Все это было разумно объяснимым и полностью интеллигибельным⁵ процессом, который с равным успехом мог бы пройти сознательно, если бы не мужская гордость пациента.

Теперь что касается третьего симптома. Боли в пятке не проходили. Они не вписываются в общую картину, ибо сердце никак не связано с пяткой, да и горе свое человек никогда не выражает через посредство пятки. С рациональной точки зрения вообще невозможно понять, почему в данном случае двух других синдромов оказалось

---

⁵ Доступным пониманию с помощью интеллекта. — Прим. пер.

недостаточно. Теоретически, было бы вполне достаточно, если бы осознание вытесненной душевной боли вылилось сначала в обычное человеческое горе, а затем — в исцеление.

Поскольку я не мог разгадать пяточный симптом, обращаясь непосредственно к сознанию пациента, то снова вернулся к прежнему методу — анализу сновидений. Пациент рассказал мне, что однажды ему приснился сон, в котором змея укусила его в пятку и он сразу же оказался парализованным. Сновидение прямо предлагало интерпретацию пяточного симптома. У него болела пятка, потому что именно туда его ужалила змея. Это очень странное содержание, и осмыслить его рационально нам не удастся. Мы могли бы сразу понять, почему болело его сердце, но то, что у него еще и пятка должна при этом болеть, выше всяких пределов разумного ожидания. И пациент оказался полностью мистифицированным.

В таком случае, здесь мы имеем дело с содержанием, которое в своеобразной форме проталкивается в бессознательную зону и которое, по всей видимости, происходит из более глубокого слоя, недоступного рациональному пониманию. Самой близкой аналогией этому сновидению служит, очевидно, сам невроз. Когда девушка бросила нашего пациента, она тем самым нанесла ему рану, парализовавшую и сделавшую его больным. Дальнейший анализ сновидения высветил еще кое-что в предыстории пациента, которая теперь и ему самому стала ясна с самого начала. Он был любимцем своей несколько истеричной матери. Она жалела его, восхищалась им, — и так избаловала, что он никогда должным образом не успевал в школе, поскольку был слишком изнежен. Позже, он неожиданно "переметнулся" на мужскую сторону и пошел в армию, где ему удалось скрыть свою внутреннюю слабость ценой показного "ухарства". Таким образом, некотором смысле, мать тоже искалечила его.

Очевидно, мы имеем здесь дело с тем же змеем-искусителем (= дьяволом), который был любимым другом Евы. "И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем ТВОИМ и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятку", — гласит строфа в Книге "Бытие"⁶ — отголосок гораздо более древнего египетского церковного гимна, который раньше декламировали или пели для того, чтобы вылечить человека от змеиного укуса:

Уста Бога⁷ дрожали от старости.
Слюна его капала на землю,
И все, что он выплевывал, падало на землю.
Тогда Исида смешала это с землей, что была там,
И вылепила червя, похожего на копье.
Она не обвила живую змею вокруг своего чела,
А бросила ее, свившуюся в кольцо, на дорогу.
По которой великий Бог любил бродить,
Наслаждаясь двумя своими царствами.
Величественный Бог шествовал и своим великолепием,
И другие боги, служившие Фараону, сопровождали его,
Он шел впереди, как делал это всегда, —
И тут благородный червь ужалил его...
Его челюсти застучали,

---

⁶ Быт. 3:15. См. также экзегетический комментарий к Бт 3:15 // Новая толковая Библия. В 12 т. Т. 1. Л., 1990. С. 277–278. — Прим. пер.

⁷ Речь идет о боге солнца Ра. — Прим. пер.

Он задрожал всем телом,
И яд вторгся в его плоть,
Как Нил вторгается в его владения

(Adolf Erman, *Life in Ancient Egypt*, translated by H. M. Tirard (London. 1894), p. 265–267, modified.).

Сознательное знание Библии пациентом было ничтожно малым. Вероятно, он когда-то слышал о змее, кусающей в пятку, но потом быстро забыл об этом. Но нечто глубокое в его бессознательном услышало эту историю — и не только не забыло, но, более того, вспомнило ее в подходящий момент. Эта часть бессознательного любит выражать себя мифологически, потому что такой способ выражения согласуется с ее природой.

Какому же складу ума (mentality) соответствует символический или метафорический способ выражения? Он соответствует ментальности дикаря, в языке которого отсутствуют абстракции, но есть лишь естественные (natural) и "неестественные" ("unnatural") аналогии. Эта первобытная ментальность так же далека от души, которая вызывает боли в сердце и создает ком в горле, как бронтозавр от скаковой лошади. Сон о змее обнаруживает фрагмент психической активности, не имеющей ничего общего со сновидцем как современным человеком. Эта психическая активность осуществляется, скажем так, на каком-то более глубоком уровне, и только ее результаты поднимаются в вышележащий слой, где находятся вытесненные аффекты, причем, результаты эти так же чужды им, как сновидение бодрствующему сознанию. И как определенная разновидность аналитической техники требуется для понимания сновидения, так знание мифологии необходимо для того, чтобы схватить смысл содержания, полученного из более глубоких слоев души.

Разумеется, мотив змеи не был индивидуальным приобретением пациента, ибо сны про змей чрезвычайно распространены даже среди городских жителей, которые настоящей змеей, скорее всего, никогда и не видели.

Можно было бы возразить, что змея в сновидении — это не более чем наглядная конкретизация образного выражения, широко используемого в нашей речи. Говорят же о некоторых женщинах, что они вероломны как змеи (snakes), коварны как дьявол (= змей: serpent). Говорят и о змее искушения (the snake of temptation) и т. д. В данном конкретном случае это возражение не кажется мне справедливым, хотя это и было бы трудно Доказать, поскольку змея и в самом деле является общеупотребительной риторической фигурой. Более надежное доказательство стало бы возможным лишь тогда, когда нам удалось бы отыскать случай, в котором мифологический символизм не был бы ни традиционным образным выражением, ни фактом криптомнезии; иначе говоря, должна быть исключена возможность того, что сновидец когда-то видел, слышал или читал о том, что составляет мотив сновидения, потом забыл, а через какое-то время бессознательно его вспомнил. Такое доказательство, будь оно найдено, имело бы огромное значение. Оно означало бы, что рационально объяснимое бессознательное, состоящее из материалов, сделанных бессознательными, так сказать, искусственно, образует лишь верхний слой, а под ним лежит абсолютное бессознательное, которому никогда не стать достоянием нашего личного опыта. Это абсолютное бессознательное было бы тогда психической активностью, протекающей независимо от сознательного ума (mind); более того, такая активность была бы независимой даже от верхних слоев бессознательного и не затронутой (а, возможно, и в принципе не затрагиваемой) личным опытом. Она была бы разновидностью наиндивидуальной психической активности, коллективным бессознательным, как я ее назвал, чтобы отличить от поверхностного, относительного или личного бессознательного,

Но прежде чем заняться поисками этого доказательства, я хотел бы, ради придания завершенности, сделать еще несколько замечаний по поводу сна о змее. Складывается такое впечатление, как будто наш гипотетический, более глубокий слой бессознательного, — то есть коллективное бессознательное, как я буду его теперь называть, — перевел личный опыт пациента в отношениях с женщинами в сновидение о змеином укусе и, чем самым, превратил его в формальную мифологему. Причина — или, вернее, цель — этого перевода с первого взгляда не совсем понятна. Но если вспомнить фундаментальный принцип терапии, а именно, что симптомалогия болезни одновременно представляет собой естественную попытку исцеления — боли в сердце, например, являются попыткой вызвать эмоциональный взрыв, — то тогда и пяточный симптом мы должны также рассматривать как попытку исцелиться. Как показывает сновидение, не только недавние разочарования с любви, но вместе с ними и все другие неприятности, — например, в школе или где-то еще, — поднимаются этим симптомом до уровня мифологического события, как если бы это каким-то образом могло помочь пациенту.

Наверное, все это может казаться совершенно неправдоподобным. Но древнеегипетские жрецы-целители, исполнявшие речитативом гимн змее-Исиде против змеиного укуса, вовсе не находили это предположение неправдоподобным; и не только они, но и весь мир верил, как еще и сегодня верят примитивные народы, в магию посредством аналогии или, по-другому, "симпатическую магию"⁸.

В таком случае, мы имеем здесь дело с психологическим феноменом, лежащим в основе магии через посредство аналогии. Не следует считать это древним суеверием, которое мы давно переросли. Если внимательно читать латинский текст Мессы, то постоянно наталкиваешься на знаменитое "*sicut*"⁹ с помощью которого всегда вводится аналогия, посредством которой должно совершаться изменение. Другой замечательный пример аналогии — разжигание огня в Великую Субботу. В прежние времена новый огонь высекался из камня, а еще раньше — добывался трением (возникающем при "сверлении" деревянного бруска), что было прерогативой храма. Поэтому в молитве священника говорится: "*Deus, qui per Filium tuum, angularem scilicet lapidem, claritatis laeae fidelibus ignem contulisti productum ex silice, nostris profuturum usibus, novum hunc ignem sanctifica*" ("Боже, Ты, который через Сына Своего, зовущегося краеугольным камнем, принес огонь света Своего верующим, освяти этот новый, высеченный из кремня огонь, для нашего пользования"). Через аналогию Христа с краеугольным камнем, простой кремень поднимается до уровня самого Христа, который опять же зажигает новый огонь.

Рационалист, возможно, посмеется над этим. Но, когда мы сталкиваемся с подобными вещами, что-то шевелится у нас глубоко внутри, да и не только у нас, а у миллионов христиан (мужчин и женщин), даже если мы называем это лишь чувством прекрасного. То, что отзывается в нас, и есть та отдаленная основа, те древние структуры (patterns) человеческого разума, которые мы унаследовали из потускневших веков нашего прошлого, а вовсе не приобрели в ходе своей короткой жизни.

Если бы такая наиндивидуальная душа существовала, то все, что переводится на ее язык образов, оказывалось бы деперсонализированным, а если бы еще и становилось сознательным, то воспринималось бы *sub specie aeternitatis*¹⁰. То есть, не как моя скорбь, но

---

⁸ О симпатической магии подробнее см... например: Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. Гл. III. — Прим. пер.

⁹ Как (лат.). — Прим. пер.

¹⁰ С точки зрения вечности (лат.). — Прим. пер.

как мировая скорбь; не как личная, обособляющая боль, но как боль без ожесточения и злобы, объединяющая все человечество. Целительный эффект этого не нуждается в доказательстве.

Однако, что касается реального существования такой наиндивидуальной психической активности, то я еще до сих пор не представил удовлетворяющего всем требованиям доказательства. Мне хотелось бы сделать это теперь, и опять в форме примера. Речь пойдет об одном душевнобольном в возрасте тридцати с небольшим лет, страдавшим параноидной формой шизофрении. Он заболел, когда ему едва исполнилось двадцать. Этот пациент всегда демонстрировал удивительную смесь рассудка (*intelligence*), упорства в своих заблуждениях и фантазерства. Служил он рядовым секретарем в одном консульстве. Видимо, в качестве компенсации своего весьма скромного существования этот человек был одержим мегаломанией и считал себя Спасителем. Он страдал частыми галлюцинациями и временами бывал невменяем. В периоды между обострениями болезни ему разрешалось гулять по больничному коридору без сопровождающего. Однажды я застал его там за следующим занятием: прищурившись, он смотрел сквозь оконное стекло на солнце и при этом как-то странно водил головой из стороны в сторону. Он взял меня под руку и сказал, что хочет мне кое-что показать: я должен, прищурившись, посмотреть на солнце и тогда я смогу увидеть солнечный фаллос. А если я повожу головой из стороны в сторону, то фаллос у солнца тоже будет двигаться, а это, мол, и есть источник ветра.

Я сделал это наблюдение где-то в 1906 году. В 1910, когда я углубился в мифологические штудии, мне попала в руки книга Дейтериха. В ней была опубликована часть так называемого Парижского магического папируса, которая, по мнению Дейтериха, представляла собой литургию культа Митры¹¹. Как автор узнал впоследствии, издание 1910 года было в действительности вторым, тогда как первое вышло в 1903 году. Однако, этот пациент был помещен в лечебницу за несколько лет до 1903 года.). Она состоит из ряда предписаний, заклинаний и видений. Одно из этих видений описывается следующими словами: "А также так называемая труба, источник попутного (*ministering*) ветра. Ибо ты увидишь нечто похожее на трубу, свисающую с солнечного диска., и по отношению к западным областям она находится в положении, как если бы дул нескончаемый восточный ветер. Но если другой ветер подул бы в направлении восточных областей, ты увидел бы ту же трубу, только повернутую в другом направлении". Греческое слово для обозначения "трубы" — (((((- означает также "духовой инструмент", а словосочетание (((((((((у Гомера означает "толстая струя крови". Очевидно, что поток ветра выдувается из солнца через трубу.

То, что видение моего пациента относится к 1906 году, а этот греческий текст был впервые опубликован в 1910 году, должно быть вполне достаточным основанием для исключения возможности криптомнезии с его стороны и перенесения мысли с моей. Невозможно отрицать явного параллелизма двух видений, хотя и можно возразить, что сходство здесь чисто случайное. В таком случае мы должны предположить что данное видение никак не связано с аналогичными представлениями и не имеет никакого внутреннего значения (*meaning*). Однако наше предположение не оправдывается, ибо на некоторых средневековых рисунках эта труба на самом деле изображена как своего рода шланг, спускающийся с небес под одежды Святой Девы Марии. По нему Святой Дух в образе голубя слетает вниз, чтобы оплодотворить непорочную Деву Марию. Как мы знаем из миракля Пятидесятницы, первоначально Святого Духа представляли себе в образе могучего

---

¹¹ Albrecht Dieterich, *Bine Mithrasliturgic* (London, 1903; 2nd ed., 1910), j p. 6–7

стремительного ветра — (((((- ветра, который "дует где хочет"¹². В латинском тексте мы читаем: "Animo descensus per orbem solis tribuitur" ("Говорят, что дух нисходит по кругу солнца"). Эта концепция получила распространение во всей поздней классической и средневековой философии.

Поэтому я не могу обнаружить в этих видениях ничего случайного, но вижу просто возобновление возможностей представлений, которые существовали всегда и которые можно снова встретить у самых противоположных умов во все времена, а потому они не должны ошибочно приниматься за врожденные идеи. Я преднамеренно углубился в детали этого случая с целью нарисовать наглядную картину той более глубокой психической активности, которую я называю коллективным бессознательным. В качестве резюме я хотел бы подчеркнуть, что мы должны разграничивать три уровня души: (1) сознание, (2) личное бессознательное и (3) коллективное бессознательное. Личное бессознательное состоит, во-первых, из всех тех содержаний, которые стали бессознательными либо из-за того, что утратили свою интенсивность и забылись, либо из-за того, что сознание отстранилось от них (вытеснение); и, во-вторых, из содержаний (отчасти, чувственных впечатлений), которые никогда не обладали достаточной интенсивностью, чтобы достичь сознания, но тем не менее как-то проникали в душу (*psyche*). Коллективное же бессознательное, как родовое наследие возможностей репрезентации, является не индивидуальным, а общим для всех людей и даже, возможно, всех животных, и составляет истинную основу индивидуальной души.

Весь этот психический организм совершенно аналогичен телу которое хотя и имеет индивидуальные вариации, однако о главных своих чертах остается специфически человеческим телом, свойственным всем людям. В своем развитии и строении оно до сих пор сохраняет элементы, связывающие его с беспозвоночными и, в конечном счете, с простейшими. По крайней мере, в теории должна существовать возможность "счищать" с коллективного бессознательного слой за слоем до тех пор, пока мы не дойдем до психологии червя или даже амебы.

Все согласны с тем, что совершенно невозможно понять живой организм вне его связи со средой обитания. Существует бесчисленное множество биологических фактов, которые поддаются объяснению только как реакции на средовые условия, например: слепота *Proteus anguinus*; особенности кишечных паразитов; анатомия позвоночных, возвратившихся к жизни в воде.

То же самое справедливо и в отношении души. Ее специфическая организация должна быть тесно связана с условиями внешней среды. От сознания мы можем ожидать реагирования на настоящее и адаптации к нему, поскольку сознание — это та часть души, которая имеет дело, главным образом, с событиями текущего момента. А от коллективного бессознательного, как вневременной и всеобщей (части) души, нам следует ожидать реакций на универсальные и постоянные условия, будь они психологическими, физиологическими или физическими.

По-видимому, коллективное бессознательное — насколько мы вообще можем что-то сказать о нем — состоит из мифологических мотивов или изначальных образов, и потому мифы всех народов являют собой его подлинные образцы. Фактически, мифологию в целом можно было бы считать своего рода проекцией коллективного бессознательного. Яснее всего это видно, когда смотришь на небесные созвездия, чьи первоначально хаотические формы

---

¹² "Дух дышит, где хочет" (греч.) [Иоан. 3:8], что, вследствие семантической неопределенности фразы, можно перевести и как "Ветер дует, где хочет". — Прим. пер.

были организованы посредством проекции образов. Этим же объясняется то особое влияние звезд, которое так отстаивают астрологи, ибо оно есть не что иное, как неосознанное интроспективное восприятие (*perceptions*) активности коллективного бессознательного. Подобно тому как созвездия были спроецированы на небеса, сходные фигуры были спроецированы в легенды и волшебные сказки или на исторических персонажей. Поэтому есть два пути изучения коллективного бессознательного: либо через знакомство с мифологией, либо в процессе анализа индивидуума. Поскольку я не могу, в доступной форме, изложить здесь материал последнего направления, то вынужден ограничиться мифологией. Но и это — такая обширная область, что мы можем отобрать из нее только несколько типов. Столь же бесконечны вариации средовых условий, и потому здесь можно обсудить лишь несколько наиболее типичных из них.

Как живое тело с присущими ему видовыми особенностями является системой функций для приспособления к условиям обитания, так и душа должна обнаруживать органы или функциональные системы, которые соответствуют закономерным физическим событиям. Под этим я подразумеваю не сенсорные функции (*sense-functions*), зависящие от органов, а скорее своего рода психическую аналогию регулярным физическим явлениям. Так, например, ежедневный ход солнца и регулярная смена дня и ночи должны были бы запечатлеться в душе с первобытных времен. Мы не можем продемонстрировать существование этого образа; взамен мы обнаруживаем только более или менее фантастические аналогии данного физического процесса. Каждое утро божественный герой рождается из моря и садится в солнечную колесницу. На западе его уже поджидает Великая Мать, которая и пожирает его вечером. В брюхе дракона герой пересекает пучину полночного моря. После страшной битвы со змеем ночи он снова рождается утром.

Этот миф-конгломерат, несомненно, содержит отражение физического процесса. В самом деле, это настолько очевидно, что многие исследователи предполагают, будто первобытные люди придумывали такие мифы исключительно в целях объяснения физических процессов. Можно не сомневаться, что наука и философия развились из этой материнской породы (*matrix*), однако то, что первобытные люди сочиняли подобные произведения только из потребности в объяснении, как своего рода физические или астрономические теории, кажется весьма неправдоподобным.

То, что мы можем с уверенностью сказать о мифологических образах, заключается в следующем: физический процесс запечатлелся в душе в этой фантастической, искаженной форме и там сохранился, так что даже сегодня бессознательное воспроизводит подобные образы. Тогда возникает естественный вопрос: почему душа вместо того, чтобы регистрировать реальный физический процесс, создает и запасаает его явно фантастические образы?

Если мы сможем встать на точку зрения первобытного человека, то сразу поймем, почему так происходит. Дикарь живет в такой "*participation mystique*"¹³ миру, как это называет Леви-Брюль, что для него просто не существует ничего похожего на то абсолютное разграничение субъекта и объекта, которое имеет место в наших умах. Что происходит вовне, то происходит и в нем самом, а что случается в нем, то случается и вовне. Я был свидетелем одного случая, который может служить отличной иллюстрацией только что сказанного. Речь пойдет о племени, обитающем на склонах горы Элгон, что находится в Восточной Африке. На заре эти туземцы плюют себе на ладони и протягивают их к солнцу, когда оно поднимается из-за горизонта. "Мы довольны, что ночь прошла", — говорят они.

---

¹³ Мистической сопричастности (фр-). — Прим. пер.

Поскольку слово "адхиста" (adhista) одновременно значит и "солнце", и "Бог", я спросил: "Солнце — это Бог?" Они ответили "нет" и рассмеялись, как будто я сказал несусветную глупость. Так как солнце в этот момент находилось почти в зените, я показал на него и спросил: "Когда солнце здесь, вы говорите, что оно не Бог, но когда оно на востоке, вы говорите, что оно Бог. Как это может быть?" Растерянное молчание продолжалось до тех пор, пока старый вождь не принялся объяснять: "Да, это так. Когда солнце находится там, вверху, — оно не Бог; но когда оно восходит, это Бог (или: тогда оно Бог)". Для ума дикарей несущественно, какая из этих двух версий правильная. Восход солнца и связанное с ним чувство избавления являются для дикаря одним и тем же божественным опытом (experience), так же как ночь и собственный страх составляют для него неразличимое единство. Разумеется, собственные эмоции для него важнее физики, — потому он и запечатлевает свои эмоциональные фантазии. Для него ночь — это змеи и леденящее дыхание духов, тогда как утро означает рождение прекрасного Бога.

Наряду с мифологическими теориями, которые все объясняют свойствами и поведением солнца, существуют лунарные теории, которые делают то же самое, ссылаясь на луну. Это обусловлено тем простым обстоятельством, что имеется бесчисленное количество мифов о луне, а среди них — целое множество таких, где луна предстает в роли жены солнца. Луна — это изменчивое событие (experience) ночи, и потому совпадает с сексуальным познанием женщины первобытным мужчиной, которая для него также выступает субъективным событием (experience) ночи. Но луна с равным успехом может быть и обделенным братом солнца, ибо ночью бремя аффекта и злые мысли о власти и отмщении часто нарушают сон. Луна тоже нарушает сон, а кроме того является местопребыванием душ умерших людей, ибо ночью покойники возвращаются в сновидениях к тем, кто спит, а призраки прошлого вселяют ужас в сердца страдающих бессонницей. Поэтому луна означает также и безумие ("lunacy" — "лунатизм"). Именно такие переживания, как эти, отпечатались в душе лучше, чем изменчивый образ самой луны.

Не бури, не гром и молния, не дождь и тучи остаются в виде образов в душе, а фантазии, вызванные теми аффектами, которые эти природные явления возбуждали у человека. Однажды я пережил сильное землетрясение, и моим первым, непосредственным фактом сознания было ощущение, будто я стоял не на твердой и привычной земле, а на шкуре гигантского животного, поднимавшейся и опускавшейся под моими ногами. И именно этот образ произвел на меня впечатление, а не само по себе физическое явление. Проклятия человека в адрес опустошительных бурь, его страх перед разбушевавшейся стихией — эти аффекты очеловечивают ярость природы, и чисто физическая стихия превращается в разгневанного бога.

Подобно внешним физическим условиям существования, физиологические состояния, секреция желез и т. д. также могут вызывать аффективно заряженные фантазии. Сексуальность представляется то в образе бога плодородия, то в облике неистово чувственной женщины-демона, а то в виде самого дьявола с козлиными ногами и непристойными жестами Диониса или в виде вселяющей ужас змеи, сжимающей в кольцах свои жертвы до смерти.

Голод превращает пищу в богов. Некоторые племена мексиканских индейцев даже предоставляют своим богам-пище (food-gods) ежегодный отпуск для восстановления сил, и в этот период традиционный продукт питания в пищу не употребляется. Древним фараонам поклонялись как едокам богов. Осирис — это пшеница, сын земли, — и по сей день гостия должна изготавливаться из пшеничной муки, то есть Бога, который съедается, так же как Иакх — таинственный бог элевсинских мистерий. Бык Митры — это все годные в пищу плоды земли.

Психологические условия среды обитания обычно оставляют, за собой похожие мифологические следы. Опасные ситуации, будь это физическая опасность или угроза душе, вызывают аффективно заряженные фантазии, а поскольку такие ситуации регулярно повторяются, то есть являются типичными, они дают начало архетипам, как я назвал все мотивы мифов в общем.

Драконы устраивают свои логовища у рек, неподалеку от брода или других столь же опасных переправ; джинов и других представителей рода дьяволов можно обнаружить в безводных пустынях или в опасных ущельях; духи умерших обитают в мрачных зарослях бамбукового леса; коварные русалки и водяные змеи живут с морских глубинах, омуты и водовороты. Могущественные духи предков или боги вселяются в важного, значительного человека; пагубная, чрезвычайная власть фетиша свойственна чему-либо непонятному или экстраординарному. Болезнь и смерть не бывают естественными, а всегда вызываются духами, ведьмами или колдунами. Даже само оружие, что убило какого-то человека, — есть мана, то есть наделено особой силой.

Меня могут спросить: как же тогда обстоят дела с самыми ординарными, повседневными событиями и с непосредственными реалиями, такими как муж, жена, отец, мать, ребенок? Эти обычные, повседневные, вечно повторяющиеся реальности создают самые могущественные из всех архетипов, непрерывающаяся активность которых проявляется всегда и везде, — даже в таком рационалистическом веке, как наш. Давайте возьмем в качестве примера христианскую догму. Троицу составляют Отец, Сын и Святой Дух, который изображается в виде птицы Астарты, голубя, и которого во времена раннего христианства называли Софией и мыслили в женском роде. Почитание Девы Марии в более поздней церкви явно носит характер замены этих представлений. Здесь мы имеем дело с архетипом семьи (((((((((((((((("в небесном доме"), как выражается по этому поводу Платон, возведенным на престол в качестве формулы предельного таинства. Христос — жених, Церковь — невеста, купель для крещения — лоно Церкви (*uterus ecclesiae*), как она и до сих пор называется в тексте *Benedictio fontis*. Святая вода содержит соль, добавляемую с намерением сделать ее похожей на околоплодную жидкость или морскую воду. *Nieros gamos*, или священный брак, совершается в Великую Субботу перед Пасхой; горящая свеча как фаллический символ трижды окунается в купель, чтобы оплодотворить ее и дать ей возможность снова родить крещеного ребенка (*quasimodo genitus*). Мана-личность, шаман — это *pontifex maximus*, Папа; Церковь — это *mater ecclesia*, *magna mater* магической силы, а люди — это дети, нуждающиеся в помощи и милосердии.

Отложение всего родового опыта человечества — столь богатого эмоциональными образами — в отношении отца, матери, ребенка, мужа и жены, магической личности, угроз телу и душе, возвысило эту группу архетипов до статуса верховных регулятивных принципов религиозной и даже политической жизни и привело к бессознательному признанию их огромной психической силы и власти.

Я обнаружил, что рациональное истолкование этих творений никоим образом не умаляет их ценности; напротив, оно помогает нам не только почувствовать, но и постичь их огромное значение. Эти мощные проекции дают католику возможность познать (*experience*) в форме осязаемой реальности большие пространства своего коллективного бессознательного. Он не нуждается и в поисках авторитета, высшей власти, откровения или чего-то такого, что могло бы связать его с вечным и непреходящим. Все это с наличием и доступно для него всегда: там, в Святой Святыни каждого алтаря, находится место пребывания Бога. А вот протестанту и иудею приходится искать этого: одному, — потому что он, так сказать, разрушил земное тело Божества, а другому — потому что он никогда не

может найти ею. Для обоих архетипы, ставшие в католическом мире зримой и живой реальностью, лежат в бессознательном. К сожалению, я не могу здесь более глубоко вдаваться в поразительные различия отношения к бессознательному в нашей культуре. Хотел бы только отметить, что этот вопрос представляет собой одну из величайших проблем, стоящих перед человечеством.

Что это так, сразу становится ясно, когда мы сознаем, что бессознательное как совокупность всех архетипов является хранилищем всего человеческого опыта, восходящего к его самым отдаленным истокам. Но это отнюдь не мертвые залежи, наподобие заброшенной кучи хлама, а живая, активная система реакций и диспозиций, определяющая жизнь индивидуума незаметным, а значит и более эффективным образом. Бессознательное — вовсе не гигантский исторический предрассудок, не какое-то априорное историческое условие; скорее оно служит, источником инстинктов, ибо архетипы — это всего лишь формы, принимаемые инстинктами. Из живого источника инстинкта льется все творческое; стало быть, бессознательное не просто обусловлено историей, но само порождает творческий импульс. Оно подобно самой Природе, чудовищно консервативной и все же преступающей свои исторические условия в актах творения. Поэтому неудивительно, что для человечества всегда было жгучим вопросом, как наилучшим образом адаптироваться к этим невидимым детерминантам. Если бы сознание никогда не отделялось от бессознательного — вечно повторяющееся событие, символически изображаемое как падение ангелов и послушание прародителей, — то эта проблема вообще не возникла бы, оставаясь лишь вопросом приспособления к среде обитания.

Существование индивидуального сознания побуждает человека осознавать трудности как внутренней, так и внешней жизни. Совсем как окружающий мир открывается взору первобытного человека своими благоприятными или враждебными сторонами, так и влияния собственного бессознательного кажутся ему противостоящей силой, с которой он должен прийти к соглашению, так же как и с видимым миром. Именно этой цели служат его бесчисленные магические действия. На более высоких ступенях цивилизации религия и философия выполняют то же назначение. Всякий раз, когда такая система адаптации терпит неудачу, общее беспокойство выливается в волнения и беспорядки и предпринимаются попытки найти новую подходящую форму отношений с бессознательным.

Все это, на наш современный "просвещенный" взгляд, кажется весьма неправдоподобным. Когда я говорю об этой отдаленной провинции души — бессознательном — и сравниваю его реальность с реальностью зримого мира, то часто наталкиваюсь на скептическую улыбку. Но тогда я должен спросить, сколько людей в нашем цивилизованном мире все еще верят в мана, духов и тому подобные предположения? Другими словами, сколько сейчас ученых-христиан и спиритуалистов? Я не стану преумножать перечень таких вопросов. Их назначение только в том, чтобы проиллюстрировать единственный факт: проблема незримых психических детерминант сегодня столь же насущна, как и прежде.

Коллективное бессознательное содержит в себе все духовное наследие эволюции человечества, возрождаемое в структуре мозга каждого индивидуума. Сознательный ум (mind) — это эфемерный феномен, который выполняет все провизорные адаптации и ориентации, и по этой причине его функцию лучше всего сравнить с ориентировкой в пространстве. Напротив, бессознательное служит источником инстинктивных сил души (psyche), а также форм или категорий, их регулирующих, то есть архетипов. Все самые яркие и мощные идеи восходят исторически, к архетипам. Это особенно верно в отношении религиозных представлений хотя центральные понятия науки, философии и этики также не составляют исключения из этого правила. В своем нынешнем виде они представляют собой

варианты архетипических представлений, созданные посредством их сознательного применения и приспособления к действительности. Ибо функция сознания заключается не только в осознании и усвоении внешнего мира через врата наших чувств, но и в переводе мира внутри нас в зримую реальность.

К. Г. Юнг

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

